

Г. В. Плехановъ.

Отъ обороны къ нападенію.

Отвѣтъ г. А. Богданову, критика итальянскаго
синдикализма и другія статьи.

Мы никогда не должны оставаться
на оборонительной позиціи, а всегда
переходить къ нападенію.

Вильгельмъ Либкнехтъ.

Складъ изданія: Москва, Моховая, домъ Бенкендорфъ,
книжный магазинъ А. Д. Друтманъ.

[1910]

СОДЕРЖАНІЕ.

Стран.

Предисловіе	3
-----------------------	---

I.

Ф и л о с о ф і я .

Отвѣтъ г. А. Богданову:	
Письмо первое	9
Письмо второе	32
Письмо третье	70
Трусливый идеализмъ	111
Ари Бергсонъ	147
О книгѣ г. В. Шулятикова	153
О книгѣ г. Л. Робинсона	158
Юсифъ Дицгень	162
О книгѣ Гольцапфеля	179

II.

Р е л и г і я .

О религіи	185
Еще о религіи	224
О книгѣ Ф. Лютгенау	266
О брошюрѣ А. Паннекука	277
О книгѣ М. Гюйо	282

III.

П у б л и ц и с т и к а .

Критика теоріи и прантики синдинализма:

Аргуро Лабріола	291
Энрико Леона и Иваное Бономи	353

II

О книгѣ А. О. Оливетти	421
Г. В. Черновъ и Поль Луи	426
О книгѣ Н. Критской и Н. Лебедева.	432
Борьба рабочихъ за политическую свободу въ Англии.	440
Мангеймъ.	447
Почему нѣтъ социализма въ Соединенныхъ Штатахъ?	468
Двадцатипятилѣтіе смерти Маркса.	472
Элизе Реклю, какъ теоретикъ анархизма.	486
Анархистъ-индивидуалистъ.	517

IV.

Л и т е р а т у р а .

Сынъ доктора Стокмана.	527
Идеологія мѣщанина нашего времени	549
П. А. Чаадаевъ	637
„Исторія Молодой Россіи“.	659
О книгѣ Д. В. Философова	665

«Письма о логикѣ» Г. Дицгена поразительно, страшно бѣдны въ сравненіи съ «Наукой Логикѣ» (*Wissenschaft der Logik*) Гегеля.

Г. Дицгену больше всего вредятъ его же черезъ чуръ усердные поклонники: сопоставленный съ гигантами, такими какъ Гегель и Марксъ, онъ кажется гораздо меньше, чѣмъ былъ на самомъ дѣлѣ.

Мы совѣтовали бы читать Г. Дицгена лишь послѣ внимательнаго изученія философіи Маркса. Тогда можно легко видѣть, въ чемъ онъ приближается къ основателямъ научнаго социализма, и въ чемъ онъ уступаетъ имъ, отставая отъ нихъ. Въ противномъ же случаѣ, чтеніе его внесетъ, правда, въ голову читателя кое-какія немаловажныя и интересныя, — но отнюдь не новыя, — частности рядомъ съ большой и вредной путаницей.

А съ внѣшней стороны, изучать Г. Дицгена гораздо удобнѣе было бы въ томъ случаѣ, если бы кто-нибудь сжалился, наконецъ, надъ русскимъ читателемъ и перевелъ бы главнѣйшія произведенія нѣмецкаго пролетарія-философа съ варварскаго языка гг. Дауге и А. Орлова на литературный русскій языкъ. Это было бы чистымъ благодѣяніемъ!

Рудольфъ Гольцапфель. Панидеаль (Panideal) Психологія социальныхъ чувствъ. Съ предисловіемъ Эрнста Маха. Переводъ съ нѣмецкаго, съ біографическимъ введеніемъ Владиміра Астрова. СПб. 1909 г. 1).

Въ книгѣ Р. Гольцапфеля есть глава, посвященная тоскѣ. Изъ этой главы мы узнаемъ, что тоска есть желаніе, связанное съ чувствомъ временной или вѣчной недостижимости желаемаго. Въ этомъ опредѣленіи тоски слова: тоска, желаніе и недостижимость стоятъ во вносныхъ знакахъ.

Нашъ авторъ вообще очень часто прибѣгаетъ къ этимъ знакамъ; они знаменуютъ у него, повидимому, критическое отношеніе къ большинству ходячихъ выраженій и понятій. Вотъ почему вносными знаками отмѣчаются у него не только имена существительныя и глаголы, но всѣ части рѣчи, за исключеніемъ развѣ союзовъ и предлоговъ: мы не нашли у него ни одного *и*, ни одного *съ*, ни одного *къ*, ни одного *въ* въ кавычкахъ. Но это, пожалуй, было бы уже крайностью. И безъ того видно, что нашъ

1) „Современный Миръ“, 1909, октябрь.

авторъ ко всему относится „критически“. Однако— это мимоходомъ; мы хотимъ обратить вниманіе читателя собственно вотъ на что. По словамъ г. Гольцапфеля есть два понятія тоски: а) отчасти безнадежная тоска; б) совершенно безнадежная тоска (стр. 23). Мы должны признаться, что при чтеніи книги г. Гольцапфеля нами овладѣла тоска второго рода. Мало того. На нашу долю не выпало даже и того обстоятельства, которымъ смягчается иногда, по увѣренію нашего автора, участь людей, попавшихъ во власть „отчасти“ или „совершенно“ безнадежной тоски. „Когда „отчасти“ или „совершенно“ безнадежная тоска не очень продолжительна,—повѣствуетъ г. Гольцапфель,—тогда достиженіе желаемого можетъ удовлетворить ее, и тоска, такимъ образомъ, устраняется“ (стр. 23). Тоска, овладѣвшая нами при чтеніи „Панидеала“, была, къ сожалѣнію, очень продолжительна, ибо въ этой книгѣ 232 страницы, написанныхъ поистинѣ варварскимъ языкомъ и отмѣченныхъ печатью самаго „безнадежнаго“ и жалкаго педантизма. Когда мы читали это произведеніе, намъ не разъ вспоминалась „Соціологія“, изданная въ 80-хъ годахъ за границей и подписанная: Че—къ. Г. Че—къ тоже имѣлъ оригинальный языкъ, соотвѣтствовавшій глубокой оригинальности его мысли. Мы не имѣемъ сейчасъ подъ руками его „Соціологіи“, но мы хорошо помнимъ, что въ ней находилось, напримѣръ, такое опредѣленіе полиціи: „полиція, это—самоприспособляющійся самоприспособленіемъ коллективать“. Г. Че—къ, съ которымъ мы имѣли удовольствіе встрѣчаться, очень гордился такими опредѣленіями. Но теперь его далеко оставилъ за собою г. Гольцапфель. Вотъ, не угодно ли вамъ прочесть сіи строки: „Потенціальная наличность условій, дающихъ возможность „представить“ *gesp.* воспринять какой-нибудь „идеаль“, стало быть „возможность представить идеаль“ въ противоположность „невозможности его представить“ *gesp.* вопринять для *другихъ* людей и съ ассоціативнымъ отзвукомъ первоначальныхъ болѣе грубыхъ *имущественныхъ отношеній* между людьми—можно назвать „обладаніемъ“ *представленіемъ идеала* *gesp.* *воспріятіемъ идеала*“ (стр. 229). Это боже-ственно!

Или еще это: „Согласно этикальнымъ копированіямъ, гигиопсихическая оцѣнка, какъ положительное *gesp.*, отрицательное „одобреніе“ индивидуума, обладающаго возможно высочайшимъ развитіемъ, должна совпадать съ одобреніемъ съ точки зрѣнія революціонной морали градуальнаго, въ различіяхъ гигиопсихического развитія человѣчества“ (стр. 231).

Глубина, ты глубина, окіань-море! Рядомъ съ такими пер-

лами, дѣтской игрушкой представляется приведенное выше опредѣленіе полиціи, какъ „самоприспособляющагося самоприспособленіемъ коллективата“. И послѣ этого есть люди, сомнѣвающіеся въ томъ, что все совершенствуется, все идетъ впередъ! Нельзя сказать, чтобы приведенные отрывки были совсѣмъ лишены смысла. Но если эти мысли изложить обыкновеннымъ человѣческимъ языкомъ, то онѣ поразятъ читателя страшной бѣдностью своего содержанія, между тѣмъ какъ варварскій слогъ г. Гольцапфеля придаетъ имъ нѣкую философскую внѣшность. *A quelque chose malheure est bon!* О глубинѣ афоризмовъ г. Гольцапфеля могутъ дать понятіе слѣдующіе примѣры:

„Борьба“ представляетъ изъ себя комбинацію „нападенія“ и „защиты“ (стр. 71).

„Поскольку индивидуумъ въ состояніи социальнo выступать противъ самого себя, какъ самъ на себя нападающій и самъ же себя защищающій, постольку можетъ произойти „самоборьба“. Противопологаемый „самоборьбѣ“ „самомиръ“ называется „внутреннимъ миромъ“ (стр. 72).

„Борьба можетъ закончиться либо полнымъ устраненіемъ нападенія, слѣдовательно, „защитой“ нападаемаго, либо устраненіемъ защиты нападаемаго гесп. осуществленіемъ намѣреннаго варіирования, т. е. *побѣдой нападенія*, либо же „утомленіемъ“ борющихся, а также, если у нападающаго измѣняется или исчезаетъ намѣреніе варіировать“ (стр. 73).

„Изъ „тоски по тоскѣ вообще“ исключается тоска по ней же самой, такъ какъ нельзя тосковать по тому, что уже достигнуто. Поэтому здѣсь понятіе „вообще“ не слѣдуетъ брать абсолютно, такъ какъ неизбежно имѣется одно исключеніе“ (стр. 26).

Все это ниже всякой критики. Однако, даже въ безплодной Сахарѣ есть оазисы. Есть они и въ безплодной книгѣ г. Гольцапфеля. Такими оазисами служатъ въ ней *зародыши* нѣкоторыхъ вѣрныхъ мыслей. Вотъ одинъ изъ такихъ зародышей:

„Социальная привычка сообщать, высказывать солюдямъ свои переживанія преимущественно въ формѣ словесносимволическихъ разговоровъ, укрѣпляетъ социальнo-индивидуальную привычку сообщать, высказывать самому себѣ свои собственныя переживанія преимущественно также въ формѣ словесносимволическихъ разговоровъ: „сообщеніе“ становится „самосообщеніемъ“, и „высказываніе“ — „самовысказываніемъ“. Соотвѣтственно этому и *этическое самоодобреніе или этическое самонедобреніе получаетъ социальную форму разговорнаго самовысказыванія*“ (стр. 86).

Посредствомъ надлежащаго развитія этого зародыша правиль-

ной мысли,—облеченного, по обычаю г. Гольцапфеля, въ варварскій костюмъ,—можно было бы обнаружить происхожденіе того категорическаго императива, который играетъ такую большую роль въ нравственной философіи Канта. Но у нашего автора зародышъ такъ и остается зародышемъ. И это прежде всего потому, что г. Гольцапфель держится совершенно ошибочнаго метода. Онъ взялся изучать „психологію соціальныхъ чувствъ“. Чтобы успѣшно выполнить свою задачу, ему нужно было-бы встать на точку зрѣнія общественнаго развитія, а онъ предпочелъ тотъ методъ, который получилъ отъ Маха,—въ предисловіи къ книгѣ г. Гольцапфеля,—названіе „простого рефлектирующаго самонаблюденія“. Благодаря этому методу, задача г. Гольцапфеля осталась бы нерѣшенной даже въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ въ десять разъ даровитѣе, нежели онъ есть на самомъ дѣлѣ.

Предисловіе Маха совершенно незначительно; оно только тѣмъ интересно, что въ немъ съ похвалой говорится о методѣ, заслуживающемъ самаго суроваго осужденія.

Книгѣ г. Гольцапфеля предпослано „біографическое введеніе“, написанное г. Владиміромъ Астровымъ. О немъ можно не распространяться. Въ немъ много претензіи, но нѣтъ серьезнаго содержанія: „на грошъ муніци, на рубль амбиціи“.

Прибавимъ еще вотъ что. Въ жалкомъ педантизмѣ г. Гольцапфеля есть очень замѣтная примѣсь ницшеанства. Этимъ вносятся высококомическій элементъ въ то представленіе о нашемъ авторѣ, которое неизбежно должно составиться въ головѣ каждаго толковаго читателя.

Человѣкъ 60-хъ годовъ, г. Л. Пантелѣвъ, издалъ глубокое твореніе г. Гольцапфеля; а люди нашего времени, и въ числѣ ихъ вчерашніе, а можетъ быть, и нынѣшніе марксисты, будутъ читать это твореніе и спорить между собой о „новой философіи“.

Гоголь правъ: скучно на этомъ свѣтѣ, господа!